Младший из Созыва

— Вы хорошо справились, оба. — Гиро вышагивал извилистую линию по песку, ритмично вынимая клинок из ножен и опуская его обратно. — Я бы не нашёл лучшего материала, даже если бы попытался.

— Радость, — пробормотал Фотиос рядом со мной, держа перед собой алую ткань как щит. — Радость и восторг. — Его глаза были зажмурены в ожидании боли.

Не то чтобы я сильно отличался. Я пригнул голову и сгорбил плечи, прятавшись за ясенем так же, как и держа его. Ритмичные щелчки меча нашего старшего брата, падающего в ножны, затихли. В одно мгновение пневма Гиро поднялась, и след клинка, рассекающего воздух, защекотал моё левое ухо.

— Блять! — прорычал я. Часть ясеня, срезанная так чисто, что я почувствовал её внезапное отсутствие только по смещению веса, ударилась о песок и упала. Ещё одно шипение и призрачное ощущение возле моего левого колена. — Гиро!

— Да, брат? — приятно спросил он, окинув меня критическим взглядом.

— Смотри, куда режешь, — потребовал я, чувствуя, как на лбу выступили капельки пота. — Роду Этосов нужны наследники.

— Не то чтобы это имело какое-то отношение к тебе, — заметил Фотиос. Мгновение спустя он вскрикнул и отшатнулся назад, и лоскут алой ткани отвалился, не оставив ни малейших неровностей или зазубрин, чтобы отметить его отделение.

— Столько лет практики, и мои братья всё ещё сомневаются в моём владении клинком, — с отчаянием проговорил Гиро, нанося полдюжины ударов. Куски ткани и твёрдой древесины отваливались с каждым его ударом, и вскоре дерево было обрезано до одной тяжёлой балки и досок разной длины и толщины. Алая ткань была добавлена к груде других шелков, кроваво-оранжевых и ярко-жёлтых.

— Единственное в чём я сомневаюсь, это в твоих намерениях, — раздражённо сказал Фотиос, вытряхивая песок из грубого культового одеяния, которое носили все посвящённые в Кронию. Собрав парусную ткань, он, не теряя времени, помчался на другую сторону берега. Пока он пробегал мимо, Гиро щёлкнул клинком и срезал несколько локонов свисавших с его затылка. Я со смешанными чувствами смотрел, как мой близнец ругается и спотыкается в мелких волнах.

— Пожалуйста, не трогай мои волосы, — сказал я, когда Гиро оглянулся назад. — Мне они и так нравятся. — Он улыбнулся и наклонил голову к кипарису, который всё ещё нуждался в резьбе.

Полдень сменился сумерками, каждый из оттенков представленных в куче шелков, которые мы украли для нашего корабля, протянулся через небеса. Обед пришёл и ушёл вместе с ужином, это было непростительно стыдно, что мы не присутствовали, чтобы развлечь наших рабов в этот праздничный день. Но увы. Наш брат решил, что нужно построить корабль. И, как и в большинстве случаев, когда Дэймон решал, что что-то нужно сделать, всё остальное отпадало на задний план.

— Мальчики, — позвал вышеупомянутый человек, когда луна взошла на небосвод, а в его ладонях расцвёл радужный свет великой тайны нашего культа. — Подойдите и сделайте себя полезными.

"Мальчики", зовёт он нас, как будто нас разделяло больше, чем несколько лет. Я запрыгнул на скелетный каркас корабля, который всё ещё оставался лишь подобием целого. Предстояла ещё одна долгая ночь.

Ещё более долгая ночь, понял я, когда приземлился на одну из голых балок и увидел, чем всё это время занимался мой старший брат.

— Что это? — недоверчиво спросил Фотиос, ловко приземлившись рядом со мной.

Вокруг Дэймона, расходясь от центральной точки где он сидел, балки и доски, которые я так кропотливо собирал этим утром, были покрыты горящими рисунками. Пока мы смотрели, он провёл кончиком пальца по доске из ясеня, а за ним следовала линия тлеющих огоньков. Вырезанное слово не сгорело, не по настоящему, как горело бы обычное пламя. Оно почернело под линиями света, но ни разу не распространилось.

— Украшение, — ответил Дэймон, отстраняясь от своей работы и стряхивая с пальца розовый огонёк. Огонёк упал на песок рядом с кораблём и медленно, как цветок, расцвёл, пока не стал размером с костёр. Подходящий источник освещения, который, невероятным образом, не давал тепла. Дэймон всегда имел лучший контроль из нас четверых.

— Естественно, — сказал я, как будто это имело какой-то смысл. — Что тебе от нас- то нужно?

Он подпёр щеку сжатым кулаком, скрестив ноги в тусклом свете своих рисунков. В свете нашей основополагающей тайны концентрические круги, окольцовывающие его зрачки, казалось, злобно горели, отражая свет.

— Добавьте к этому, — велел он нам.

— Ни за что, — немедленно ответил я.

Фотиос даже не стал утруждать себя словесным ответом, сойдя с остова корабля и упав на груду ткани для паруса.

— Я пожертвовал целым днём ради этого, и это нормально, — сказал я ему, — но я проплыву круги в Стиксе, прежде чем сяду разрисовать пальцами корабль, когда я мог бы быть в гимнасии.

— Это необходимо.

— Украшения заставят корабль плавать, так что ли?

— Может быть.

Я моргнул и повернулся к старику в алых и серых лохмотьях, сидящему рядом с моим братом.

— Старейшина. — Я склонил голову, смущённый, но не лишённый чувств. — Я не заметил тебя.

— Я знаю, что не заметил, — сказал наставник Дэймона, сидя с одной ногой, подтянутой под себя, а другой болтая, пока он балансировал на носовой фигуре Эоса – по какой-то причине, самой первой части корабля, которую закончил Дэймон. — Но я всё равно здесь.

— Старейшина? — Лицо моего близнеца показалось на краю корабля, и Фотиос приподнялся, чтобы разглядеть неопрятного философа. — Когда ты прибыл сюда?

— Вчера. Твой брат был занят.

— Он всегда занят. — Я нахмурился и провёл большим пальцем по одной из линий, выжженных им на корабле. Какой-то толчок, какое-то шепчущее ощущение, перескочило с рисунка на мою руку. Оно пронеслось по каналам, проложенным через моё тело дыханием охотничьей птицы, и осело в основании моего черепа как эхо истины.

Если Бог того пожелает, ты поплывёшь и на ковре.

— Украшение, — повторил я, в то время как Фотиос последовал моему примеру и напрягся, услышав ответ.

— Украшение, — согласился старый философ.

— Должен признать, что я провожу больше времени в октагоне, чем с наставниками, — сказал я. — Но это кажется более значимым, чем простое украшение.

— Как так? — спросил наставник Дэймона.

— Брат, — обратился я к нему. Я давно усвоил урок, что единственным человеком, способным

терпеть наставника Дэймона, был сам Дэймон. В эти дни я даже не пытаюсь вступать с ним в разговор, если могу этого избежать. Моё эго могло вытерпеть только так много унижений, прежде чем разбиться.

— Это украшение, — сказал Дэймон, сжалившись над нами. Он убрал с глаз дикие тёмные волосы и наклонился. Розовый свет стал ярче в ответ на его приближение. — Это также воззвание к высшим силам.

Фотиос поднял бровь и протянул пустую ладонь, поманив к ней свет костра. Он кивнул на свою руку в ответ на вопрос, на вопрос, навеянный тайной разрезанного трупа павшего бога солнца.

— Этого типа высшей силы? — спросил я.

— Мир не вращается вокруг вашего одинокого горящего бога, — с вежливым презрением сказал старый философ в лохмотьях анонимности. — Существует столько же природных механизмов, сколько и звёзд на небе, столько же богов, сколько и констант в этой жизни.

— Если не бог, то что? — Я размял шею, жутковатая тяжесть той жгучей правды, которую я подслушал в пламени, всё ещё ощущалась в том месте, где мой череп встречался с позвоночником.

— Нет, это бог, — сказал старик. — Только не ваш труп бог. Это бог создатель. Строя этот корабль, мы берём вещество, изменчивое и тленное, и придаём ему форму, соответствующую нашим потребностям. Украшая его, мы взываем к неподвижному движителю, неизменному среди неба и земли, в надежде, что наш корабль станет чем-то более близким к божественному – изменчивый, но вечный.

— Вы нам не верите, — сказал Дэймон без особого пыла. На самом деле ему было немного весело. — Тогда позвольте мне компенсировать вам четырнадцать лет плохого обучения – наши мудрые старейшины научили вас основным теориям натурфилософии. Хотя бы это, но они смогли сделать.

— Насколько они могли, да. — Старейшина в культе заслуживал определённого уважения, но старейшина в культивации заслуживает гораздо большего. В эти дни было сложно воспринимать наших детских наставников всерьёз, вне зависимости от моей незаинтересованности в их учениях.

В конце концов, как может капитан Софического Царства проявить академическое почтение к кучке стариков, которые ещё не достигли девятого ранга?

— Тогда вы понимаете, что мы делаем, когда призываем правила природы, — продолжал Дэймон, облизывая большой палец и проводя им по одной из горящих линий корабля. Последовало резкое шипение и поднимающийся пар. Когда пар рассеялся, остался бороздчатый ожог.

Я размял пальцы рук, все десять, а затем, загибая по одному на каждую цифру, вспомнил принципы, которые я усвоил за моё время в качестве Философа. По одному на каждый ранг. Десять усвоенных уроков, десять правил природы, которые я сделал своими собственными. Каждый из которых был высечен в моей душе.

— Это в природе Философа – подвергать сомнению высшие силы, — сказал я, повторяя старую фразу, которую отец сказал нам, когда мы были мальчишками.

— Это в природе Героя – бросать вызов навязываемому, — подхватил Фотиос.

— И это в природе Тирана – навязывать своё, — сказал Гиро, бесшумно появляясь за спиной Дэймона и склоняясь над его плечом, одной рукой обхватив свой торс, а другой свободно раскинув на груди брата. — Главный вопрос в том, какова природа бога?

Это был последний вопрос, который наш отец всегда задавал нам, и я никогда не мог дать на него ответ, который бы его удовлетворил. Этого не мог ни Фотиос, ни даже Гиро. Дэймон никогда даже и не пытался.

До этого момента, то есть.

— Это в природе бога, — размышлял молодой аристократ Розовой Зари, — чтобы жить отдельно. Неприкосновенно и невыразимо.

— Остров под солнцем, — заключил его наставник, Аристотель.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3660411